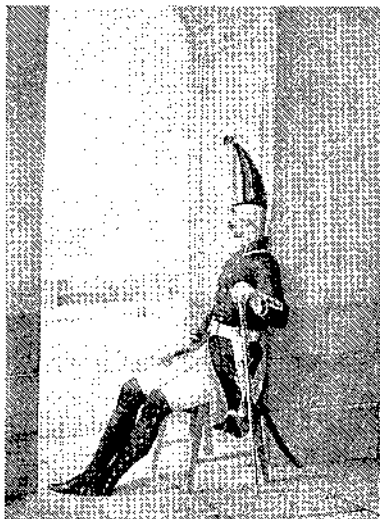

«ИСТОРИЯ О СВЕТОСТИ»

История взаимоотношений императора Павла I и полководца А. В. Суворова, двух самых неординарных личностей российской истории последних лет XVIII в., всегда пользовалась особым вниманием их биографов. Согласно схеме, сложившейся в русской историографии 2-й половины XIX—начала XX вв., эти отношения прошли три этапа. Первый, от воцарения императора до возвращения Суворова на службу в феврале 1799 г., в целом характеризуется срывавшимися попытками достичь взаимопонимания и взаимным неприятием. Второй, до конца марта 1800 г., является фактической идиллией, полной гармонией между государем и его генералиссимусом. Наконец последние полтора месяца жизни А. В. Суворова омрачены сколь тяжелой, столь и неожиданной опалой, по поводу причин которой среди исследователей до сих пор нет единого мнения¹.

Гренадерский унтер-офицер
мушкетерского полка, 1797—1801 гг.

В советской сувороведческой литературе, как известно, утвердилась точка зрения о перманентно негативном отношении Павла I к полководцу. Однако при этом требовали объяснения экстраординарные пожалования императора Суворову в кон. 1799—нач. 1800 гг.: дарование княжеского титула, возведение в ранг генералиссимуса, с отдачей войсками почестей аналогичных высочайшей особе, создание прижизненного памятника. Хотя в каждом конкретном случае вразумительные аргументы со знаком минус и не были приведены, но искренность Павла Петровича удалось взять под сомнение. Постараемся выяснить, насколько это обоснованно в отношении первой из перечисленных выше наград полководцу.

Уже в некоторых дореволюционных работах А. В. Суворов трактовался как «российской армии победоносец... которому собственный государь отказал в титуле «светлости»². Однако наиболее развернуто мнение о том, что в пожаловании полководцу княжеского титула Российской империи содержалась высочайшая немилость, изложил К. Осипов, автор самого известного в советское время жизнеописания генералиссимуса, многократно переиздававшегося огромными тиражами на протяжении нескольких десятков лет³. В первом издании этой книги он написал: «Осыпая наградами и комплиментами прославлявшего его полководца, Павел в тайне питал к нему прежние недоверие и неприязнь. Один характерный факт ярко иллюстрирует это: даровав Суворову княжеский титул, император не разрешил именовать его «светлостью». Суворов остался «сиятельством», хотя при возведении в княжеское достоинство Безбородко и Лопухина было добавлено: «с титулом светлости»⁴. Спустя более полутора десятилетий, в очередном переиздании своего труда, К. Осипов добавил в этот текст цитату из повеления Павла I генерал-прокурору А. А. Беклешову от 22 ноября 1799 г.: «Быв известен, что многие ошибаются в титуле генералиссимуса князя Италийского, называя его светлостью, хотя никогда нами оным не был пожалован, то повелеваю вам взять ваши меры, дабы никому не были даваемы титла, нами не утвержденные»⁵.

Напомним, что 8 августа 1799 г. Сенату был дан именной указ следующего содержания: «Для сохранения памяти в предъидущих веках великих дел генерал-фельдмаршала нашего графа Суворова-Рымникского [...], и в знак признательности нашей пред целым светом жалуюм ему [...] знаменитое достоинство князя Российской империи с ти-

тулом Италийского, распространяя оное на всех его потомков мужского и женского родов, повелевая ему быть и писаться князем Италийским, графом Суворовым-Рымникским»⁶. Как видим, о форме титулования в указе ничего не сказано, на первое же место среди причин пожалования поставлено увековечение «памяти великих дел» Суворова для потомства. Действительно, близкое окончание земного пути весьма престарелого полководца сознавали все, включая его самого. Сохранение же в веках наследниками Александра Васильевича почетного титула Италийского являлось настоящим «памятником нерукотворным» победам русских войск в 1799 г.

Заслуживает внимания реакция на это событие современников. 12 августа 1799 г. П. В. Завадовский сообщал в письмах из Петербурга Александру и Семену Романовичам Воронцовым: «При молебне за Мантую читан был похвальный указ о знаменитых делах графа Суворова, за которые пожалован князем империи Российской и проименован Италийский. [...] Удовольствовано честолюбие российского Аннибала досыта. [...] Проименование сие распространено на все его потомство, чего ни Румянцов, ни Сципионы не имели»⁷. Действительно, передача по наследству почетного титула произошла в России впервые: наследники А. Г. Орлова-Чесменского, П. А. Румянцева-Задунайского, В. М. Долгорукова-Крымского не имели права на почетную удвоенную фамилию. Тем более не было ее у потомков победителя Карфагена, древнеримского полководца Сципиона Африканского, по примеру которого в эпоху классицизма производились подобные пожалования. Именно это уникальное обстоятельство и обратило на себя внимание в то время, вопрос же со «светлостью» остался незамеченным.

Однако его поставил сам император, как это видно из цитированного выше повеления генерал-прокурору. Во исполнение высочайшего распоряжения А. А. Беклешов в первых числах декабря 1799 г. разослал губернаторам, начиная с Санкт-Петербурга и Москвы, предписания о том, «что его императорское величество, сведав, что от некоторых чиновников в письмах употребляется титул, не принадлежащий князю Италийскому графу Суворову-Рымникскому, его светлости, высочайше повелеть соизволил, чтобы впредь сего указом неутвержденного титула не давалось.» В губернских же правлениях «приказали: списать списки с предписания г. генерал-прокурора, разослать в ... подчиненные места здешней губернии к исполнению вы-

сочайшей воли... для сведения чрез кого следует о том здесь объявить»⁸.

Надо полагать, что именно после «распубликования» генерал-прокурорского отношения в обществе могло возникнуть недоумение, тем более что в этих тонкостях тогда еще не привыкли разбираться — до 1799 г. титул светлейшего князя Российской империи получили лишь четыре человека, причем А. Д. Меншиков и Д. К. Кантемир еще при Петре I⁹. Разъяснения последовали со стороны давнего доверенного лица А. В. Суворова при дворе, его племянника, генерал-прокурора Синода графа Д. И. Хвостова. Последний изложил их в специальной записке, опубликованной еще в 1900 г., но практически не замеченной исследователями¹⁰. Хотя документ не датирован, но исходя из текста создание его можно отнести к декабрю 1799 г. Судя по всему это записка для памяти, появление которой вызвано возможно тем, что «историю о светлости князя Суворова» приходилось часто разъяснять в письмах.

С учетом изложенных Хвостовым обстоятельств дело выглядит следующим образом. На протяжении XVIII в. в вопросе княжеского титулования регламентации не существовало, но по примеру Священной Римской империи князья именовались светлостями, в том числе и в официальных документах. Происходило это явочным порядком, также как и присвоение русскими дворянами других атрибутов западноевропейского благородного сословия¹¹. Поскольку титулами имперских князей в царствование Екатерины II были пожалованы такие люди как Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин, П. А. Зубов, то никаких вопросов из-за подражания им не возникало. Впервые форму титулования оговорил 5 апреля 1797 г. Павел I, когда, при пожаловании А. А. Безбородко в князья Российской империи, в указе «присовокупил: «с титулом светлости.» Ставший князем 19 января 1799 г. П. В. Лопухин в течение месяца «после пожалования своего не пользовался титулом светлости, доколе на сие не последовало особаго высочайшаго указа.» Последний из пожалованных Павлом князей, армянский патриарх Иосиф Аргутинский-Долгорукий, титула светлости не получил¹².

Из всего этого можно заключить, что по мнению Павла I указанный титул был не просто приставкой, но следующей, высшей ступенью после князя Российской империи и автоматически принадлежал лишь тем лицам, которые уже являлись князьями Священной Римской империи. В целом такая градация княжеского достоинства сохранялась

затем вплоть до отмены титулов в России¹³. Но А. В. Суворов был лишь имперским графом, пожалованный же ему сардинский княжеский титул права на светлость не давал, поскольку это итальянское королевство в Священную Римскую империю германской нации не входило. Надо сказать, что А. В. Суворов, вопреки распространенному мнению о равнодушии его к внешним знакам отличия, с 1796 г. пребывал в обиде на то, что император Священной Римской империи не пожаловал его, наряду с фаворитом Екатерины II П. А. Зубовым, княжеским титулом за заслуги в победе над Речью Посполитой в 1794 г. Полководец писал 24 июля 1799 г. российскому послу в Вене А. К. Разумовскому, явно намекая на желательность такой награды: «Граф Андрей Кириллович! Сардинский король пожаловал мне диплом своего гранд-маршала, князя и кузена в знак награждения. От Венского двора щедро меня за Лодомирию, Галицию и Краков [земли, полученные Австрией по третьему разделу Польши 1795 г.] в князь Платоне Зубове наградили»¹⁴.

Эти кажущиеся сейчас несущественными обстоятельства имели большое значение для российского императора, о котором один из современников-придворных вспоминал: «Страсть Павла к церемониям почти равнялась его страсти к военщине»¹⁵. По мнению исследователей личности Павла Петровича соблюдения церемониала и этикета он добивался с той же требовательностью, что и любого своего важнейшего распоряжения¹⁶. Упорядочивая, регламентируя, придавая особое значение геральдике, системе титулов, орденов, другим внешним формам корпоративных отличий благородного сословия, император преследовал цель «поднятия сословного духа российского дворянства»¹⁷.

Между тем писанного правила, четкой инструкции о пожаловании титула светлости князьям Российской империи в 1799 г. не существовало. По свидетельству А. А. Беклешова «...в самую минуту пожалования он докладывал государю: какой титул князю Италийскому приписать? и получил ответ — сиятельства...». Однако в указе это устное распоряжение генерал-прокурору зафиксировано не было. Поэтому например сам Д. И. Хвостов «...соображаясь пожалованию князя Безбородко и князя Лопухина, между собою различному, титуловал дядюшку сиятельством, что почти безпрерывно и продолжал, хотя здешний почт-директор удостоверял меня, что в высочайших рескриптах он титулуется светлостью.» Такой разнобой продолжался три с лишним месяца, пока наконец «...государственная Военная коллегия, сде-

лав по высочайшему указу титул полный генералиссимусу и соображаясь в оном титулу покойного князя Меншикова [Александра Даниловича], который был светлость, титуловала и князя Итальянского светлостью и поднесла на утверждение. Государь император сей титул подтвердил во всех частях, но за светлость Ламбу [вице-президенту Военной коллегии] попенял, и вот отчего вышло генерал-прокурорское отношение... ибо ему и приказано было во все команды сию высочайшую волю дать знать»¹⁸.

Подводя итог «истории о светлости князя Суворова» на наш взгляд остается только присоединиться к мнению Д. И. Хвостова: «До генералиссимуса сие лично не относится». Жалую полководцу столь почетный титул Павел I был вполне искренен в своих побуждениях и действовал строго в рамках законности, как он ее понимал. Однако в записке Хвостова содержится еще одно любопытное свидетельство: он слышал, что Суворову уже «готовят грамоту с титулом светлости». Не исключено, что новое пожалование ждало генералиссимуса в Петербурге и могло стать составной частью триумфа, ожидавшего полководца по въезде в столицу. Однако это — тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сжатый обзор мнений о причинах «последней опалы» Суворова в 1800 г. см.: Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 127.

² М. В. Г. «Жаль!» (К столетней годовщине со дня смерти Суворова) // Вестник всемирной истории. 1900. № 6. С. 217.

³ Оценку этой работы см.: Кавтарадзе А. Г. А. В. Суворов в отечественной историографии // Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. Сб. ст. М., 1980. С. 54—55.

⁴ Осипов К. Суворов. М., 1938. С. 366—367.

⁵ Его же. Александр Васильевич Суворов. М., 1955. С. 275.

⁶ Цит. по: Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. / Сост. А. Гено, С. Томич. СПб., 1901. С. 222.

⁷ Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 233—234.

⁸ Русская старина. 1877. Т. 19. № 5. С. 154; 1901. Т. 107. № 7. С. 30.

⁹ Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. СПб., 1889. С. 3, 5, 23, 27.

¹⁰ Русская старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 336—337.

¹¹ По свидетельству современника уже во второй половине 1730-х гг. в России «...немного найдется князей, которые не несли бы [в гербе] короны имперского фюрста» (Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 151).

¹² Там же. С. 336; Список пожалований... С. 23, 27, 35; Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 54, 55—56.

¹³ Там же. С. 57—59.

¹⁴ А. В. Суворов. Письма / Изд. подг. В. С. Лопатин. М., 1986. С. 347, 678.

¹⁵ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты. М., 1912. С. 143.

¹⁶ Сорокин Ю. А. Российский император Павел I. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Томск, 1989. С. 17.

¹⁷ Агафонова Е. А. «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». К истории создания и публикации // 275 лет Геральдической службы России. Материалы конференции. СПб., 1997. С. 3.

¹⁸ Русская старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 337.

Б. В. Галенко, К. Л. Козюренко

ПРИЖИЗНЕННЫЙ ПАМЯТНИК

Среди пожалований и почестей, оказанных Павлом I А. В. Суворову в 1799 году, выделяется уникальный для Российской империи замысел — установить прижизненный памятник полководцу. Высочайшее повеление о разработке проекта статуи было объявлено президенту Академии художеств графу О. Г. Шуазель-Гуффе 1 ноября 1799 г. в письме вице-президента Адмиралтейств-коллегии вице-адмирала графа Г. Г. Кушелева¹. Через четыре дня Ф. В. Растопчин сообщил об этом самому Суворову². Уже 30 ноября президент Академии известил Кушелева о готовности представить императору эскизы вариантов монумента³. Высочайшее разрешение последовало 7 декабря⁴. Рассмотрев рисунки и модели Павел остановил свой выбор на проекте скульптора М. И. Козловского, где полководец был представлен в виде древнеримского бога войны Марса. Это случилось под Новый год⁵. Все тот же

Офицер Кавалергардского полка, 1800—1801 гг.